

Почему Америка и Россия *не слышат друг друга*

ВЗГЛЯД ВАШИНГТОНА
НА НОВЕЙШУЮ ИСТОРИЮ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

Анджела Стент

Оглавление

От автора	7
Список сокращений	17
Пролог. Джордж Буш и рождение новой России	21
Глава 1. Шоу Билла и Бориса	35
Глава 2. Пересмотр взглядов на евроатлантическую безопасность	61
Глава 3. Буш и Путин в эпоху терроризма	77
Глава 4. Война в Ираке	117
Глава 5. «Цветные революции»	135
Глава 6. Мюнхенская речь	165
Глава 7. От Косова до Грузии: распад	193
Глава 8. Экономика и энергетика: проблема заинтересованных групп	215
Глава 9. Перезагрузка или перегрузка? Инициатива Обамы	255
Глава 10. От Берлина до Дамаска: старые и новые разногласия	283
Глава 11. Пределы партнерства	307
Глава 12. От Сочи до Севастополя: кризис на Украине и конец перезагрузки	331
Благодарности	369
Перечень лиц, согласившихся дать интервью автору	373
Хронология основных событий в американо-российских отношениях ...	379
Примечания	393
Список литературы	432
Указатель	440

ГЛАВА 5

«Цветные революции»

В 2003 и 2004 годах развитие событий в сопредельных с Россией государствах показало, какие распри может спровоцировать «Программа свободы». Американско-российские отношения взбудоражила новая тема — роль Вашингтона в поддержке «цветных революций» на задворках России. Постсоветское пространство превратилось в арену боев между США и Россией.

Россия еще не до конца смирилась с потерей бывших советских республик и все еще верила, что имеет право на особые отношения с ними. Соединенные Штаты, напротив, настаивали, что эти государства независимы и имеют право выбирать свою геополитическую ориентацию. США никогда не признавали публично, что Россия обладает какими-то особыми правами на постсоветском пространстве, и потому отвергали применимость концепции сфер влияния в этом регионе. Эти две позиции расходятся фундаментальным образом, вплоть до того, что нет согласия, как необходимо называть эти страны.

Прошло более двадцати лет после краха СССР, а единой характеристики для территории бывшего СССР все так и нет. Да, еще 8 декабря 1991 года Россия, Украина и Белоруссия основали Содружество Независимых Государств (СНГ), и к 1993 году в состав СНГ вошли все бывшие союзные республики, за исключением Прибалтики. Хотя многие россияне изначально видели в СНГ лишь инструмент цивилизованного политического развода, век его оказался на удивление долгим.

Россияне нередко называют соседние государства «ближним зарубежьем», словно бы не считая эти страны настоящей заграницей — в отличие от стран «дальнего зарубежья». Кроме того, в России в ходу

термин «постсоветское пространство», указывающий, что эти страны объединяет общее советское прошлое. Государственный департамент, с другой стороны, называл эту группу стран «новыми независимыми государствами». Но по прошествии двух десятилетий с распада СССР такая характеристика все больше становилась анахронизмом. В Вашингтоне этот регион предпочитали называть Евразией, однако многие украинцы ответят на это, что они никакие не евразийцы, а чистые европейцы. Безуспешность всех попыток придумать этим государствам новое обобщенное и признаваемое всеми название отражает гораздо более глубокую проблему, а именно что Москва рассматривает Вашингтон как соперника на близлежащем пространстве и полагает, что Соединенные Штаты стремятся подорвать ее влияние на этой территории. Вашингтон отрицает, что они с Москвой соперники в этом регионе, однако многие чиновники администрации Буша именно так и трактовали эту проблему.

Администрации и Клинтона, и Буша как заклинание повторяли, что холодная война закончилась и Россия не должна рассматривать взаимоотношения с Соединенными Штатами как игру с нулевой суммой. Вашингтонские чиновники часто и с удовольствием говорили о «взаимовыгодной ситуации», но Москва подозревала, что это лишь ширма и что США на самом деле конкурируют с Россией за влияние на постсоветском пространстве, по-прежнему навязывая ей свою повестку и обращаясь с ней как с младшим партнером. Представители российских властей уверились, что США не планируют уходить из Центральной Азии, а продолжающуюся войну в Афганистане используют как предлог, чтобы продолжить подрыв российского влияния в этом регионе. Эти подозрения усиливались по мере того, как эпидемия смены режимов с полей войны Ирака шагнула на улицы Тбилиси, Киева и Бишкека.

Москве и Вашингтону пришлось также иметь дело с так называемыми замороженными конфликтами в регионе. Все они возникли в ходе развала советской системы, при которой разные этнические группы были вынуждены сосуществовать в многонациональных союзных республиках и при этом копили обиды друг на друга — яркий пример сталинской политики «разделяй и властвуй». Как только рухнул Советский Союз, национальные меньшинства в трех новообразованных государствах принялись требовать независимости от новой центральной власти. В результате этнических войн, начавшихся в последнюю пору существования СССР, образовались четыре малых непризнанных

государства. Первым стал Нагорный Карабах, область в Азербайджане, большинство населения которой составляют армяне. Они объявили о своей независимости после войны с Азербайджаном, породившей миллион азербайджанских беженцев. Вторым таким государством было Приднестровье, область, официально входившая в состав Молдовы, но с русскоговорящим населением, которое в 1992 году при поддержке еще советской 14-й армии объявило о независимости и создании нового государства с собственными национальной валютой и флагом.

Два других замороженных конфликта касались Грузии, вернее, формально входящих в ее состав Абхазии и Южной Осетии. Местное население этих областей при поддержке российских войск еще в начале 1990-х годов объявило о независимости от Тбилиси. Эти непризнанные образования вполне успешно функционировали как мини-государства¹. Однако в любой момент насилие могло вспыхнуть с новой силой. Более того, три из четырех конфликтов разворачивались в Закавказье, в результате чего Армения и Азербайджан оставались в состоянии войны друг с другом, а территориальная целостность Грузии была нарушена. Хотя и США, и Россия принимали участие в многосторонних переговорах по урегулированию этих конфликтов, у Вашингтона имелись подозрения, что Москва не заинтересована добиться какого-либо окончательного решения, поскольку само затягивание переговоров сохраняло позиции России в данном регионе.

ПОСТСОВЕТСКИЙ СИНДРОМ

Несмотря на все попытки бывших советских республик создать национальную идентичность и функциональность независимого государства, в реальности они сохраняли между собой долгосрочные и крепкие связи. Одной из самых стойких особенностей, унаследованных ими после семи десятилетий коммунистической власти, был так называемый постсоветский синдром — он просматривался во всех бывших советских республиках, за исключением Прибалтики, быстро примкнувшей к Западу. Синдром этот проявляется в разной степени, он более выражен в государствах Центральной Азии, выстроивших авторитарные режимы, а в новых постсоветских государствах, расположенных западнее, менее заметен. Однако все двенадцать бывших советских республик, а ныне независимых государств имеют нечто общее, что роднит их между собой и отличает как от западных, так и от восточных соседей. В отличие

от Центральной Европы демократия западного образца лишь только начала пробивать себе дорогу в каких-либо из этих государств.

Постсоветскими политическими системами управляют узкие группы представителей политических или семейных кланов; выборы если и проходят, то зачастую являются конкурентными лишь внешне, а на деле — управляемыми, и исход их заранее предрешен. Личные связи гораздо важнее, чем институты, которые еще недостаточно развиты. Власть закона слаба. Прозрачных механизмов обеспечения сменяемости власти практически нет. Экономiku контролирует малочисленная элита, имеющая тесные связи с политическим руководством страны, и вместе они держат под контролем значительный объем активов. Коррупция и семейственность повсеместны и в порядке вещей. Свобода слова ограничена. Электронные средства информации, как правило, либо полностью подконтрольны государству, либо управлять ими поставлены лица, близкие к политическому руководству. Коммерческие связи между российскими олигархами и богатейшими бизнесменами в постсоветских государствах насаждают в них российскую манеру вести бизнес. Связи, скрепляющие эти государства, как правило, гораздо сильнее тех факторов, что разъединяют Россию и большинство ее ближайших соседей. При Путине Россия, чтобы вернуть влияние на своих соседей, все чаще и активнее начала применять «мягкую силу» — в виде языковых, образовательных и культурных связей, а также русскоязычного телевидения.

Спустя десять лет после развала СССР население в некоторых постсоветских государствах — в особенности там, где имело место стремление сблизиться с Европой, — начало восставать против постсоветского синдрома. Доведенные до крайности произволом и коррупцией в системе государственной власти, люди при помощи новых интернет-технологий и мессенджеров начали налаживать контакты с другими противниками режима в своих собственных странах, а также с зарубежными активистами борьбы за демократию и права человека. В начале XXI века на постсоветском пространстве возник новый феномен, для российских властей прозвучавший сигналом тревоги, — народные восстания, получившие название «цветных революций», которые один исследователь охарактеризовал как «недолгий и обнадеживающий момент в постсоветской, а также и в американской истории»².

У всех «цветных революций» имеются общие черты. Они стали реакцией на выборы — президентские или парламентские, — которые народ считал мошенническими. Действовавшая власть не имела широкой

поддержки в массах, но либо не желала, либо не имела возможности применить жесткую силу и подавить мятеж. К другим общим чертам «цветных революций» относятся наличие политической оппозиции, способной организовать и объединить людей; поддержка оппозиции общественностью и элитой в главных мегаполисах; наличие как минимум одного крупного средства массовой информации, которое принимает сторону оппозиции и позволяет ей широко транслировать свои воззрения. Сервисы обмена текстовыми сообщениями применялись для того, чтобы созывать активистов на массовые уличные акции в обход правительственной прослушки. Международные НКО с иностранным финансированием охотно помогали оппозиционным активистам советом и поддержкой. Коротко говоря, «цветные революции» имели успех, поскольку власти были неспособны насильственно подавить их, отчасти из-за того, что значительные группы сотрудников полиции и вооруженных сил перестали поддерживать власть, возмущенные произволом и коррумпированностью системы, а отчасти потому, что новые коммуникационные технологии позволяли избегать электронного наблюдения.

Кремль же увидел в «цветных революциях» угрозу для себя именно потому, что политические системы постсоветских государств во многом были схожи с политической системой России. Политику в постсоветских государствах Россия рассматривала как продолжение своей внутренней политики. В конце концов, если украинцы смогли выйти на улицу и свергнуть свое правительство, то и россияне могут сделать то же самое. А тот факт, что западные НКО активно способствуют построению гражданского общества и побуждают народ требовать большей прозрачности и подотчетности власти, облегчил Кремлю его планы изобразить эти движения как очередной пример попыток США ослабить позиции России в сферах ее законного влияния. Сотрудники администрации Буша, как и предшественники, расходились во мнениях о том, в какой мере политика США в отношении постсоветских государств должна учитывать заботы и интересы России. В аппарате вице-президента Дика Чейни выступали за жесткую политику по отношению к России, в целом поддерживали соседей России и с подозрением воспринимали намерения Москвы. Постсоветское пространство рассматривалось как полигон для проверки на состоятельность «Программы свободы», особенно после того, как стало ясно, что Ирак эту проверку, скорее всего, провалит. Мэтью Брайза, который в Белом доме

курировал дела Закавказья, выразился так: «Нам надо потребовать, чтобы Россия играла по тем же правилам, что и все остальные, — мы не должны относиться к ней по-особому и давать поблажки»³.

А вот главный эксперт по России в администрации Буша Томас Грэм выступал за более реалистичную политику по отношению к России. Он признавал, что, вырабатывая политику в отношении постсоветских государств, США должны принимать в расчет интересы России. Грэм до 2002 года был первым помощником директора Бюро политического планирования Госдепартамента, а после перешел в Совет национальной безопасности, где проработал до 2007 года, занимая должность сначала директора, а потом и старшего директора Бюро по делам России. В период работы в Белом доме Грэм часто выражал несогласие с официальной позицией аппарата Чейни, а позже — со взглядами помощника госсекретаря по вопросам Европы и Евразии Дэниела Фрайда и его заместителя по делам России и западных новых независимых государств Дэвида Крамера. По мнению последних, интересы России не должны влиять на политику США в соседних с Россией государствах. Корень проблемы Грэм видит в том, что когда он отвечал за Россию в Совете национальной безопасности, его работа никак не координировалась с работой тех, кто в Совете отвечал за другие постсоветские государства. Так, в СНБ даже не обсуждался вопрос о том, как могут сказаться на американо-российских отношениях действия США в Грузии или на Украине. При Буше Совету национальной безопасности, считает Грэм, не хватало целостной и последовательной политики по отношению к постсоветскому региону⁴.

Разногласия существовали не только между различными ветвями исполнительной власти, но и внутри самих ведомств. Кадровые военные из Министерства обороны регулярно взаимодействовали со своими российскими коллегами и потому более оптимистично оценивали сотрудничество с Россией, чем политические назначенцы в аппарате министра обороны, хотя ни та, ни другая структура, разумеется, не были едины во мнении. Конгресс по-прежнему относился к России с большим подозрением, что явствует из самого факта провала попыток как клин-тонской администрации, так и администрации Буша убедить Конгресс отменить дискриминационную поправку Джексона—Вэника. Широкий круг неправительственных организаций и этнических лоббистских групп искали возможности повлиять на политику действующей администрации, и те из них, кто ратовал за жесткий курс в отношении России, пользовались значительным влиянием. Так, украинско-американские

группы, выступавшие за расширение финансовой и политической помощи Киеву, находили сочувствие в аппарате вице-президента. С другой стороны, Американско-российский деловой совет и Торговая палата США выступали за развитие более активных коммерческих связей США и отмену для России действия поправки Джексона—Вэника.

Неправительственные организации, поддерживаемые США, активно действовали в ряде соседних с Россией государств. Так, организация Джорджа Сороса «Открытое общество» потратила миллиарды долларов на усилия по укоренению демократии в государствах постсоветского пространства. Джордж Сорос, член Демократической партии, с некоторого времени с растущим неприятием относился к внутренней и внешней политике администрации Буша, а в 2003 году заявил, что «поражение Джорджа Буша — главная цель моей жизни»⁵. Однако Кремль — вероятно, в силу природы системы российской власти — так и не взял в толк, что Сорос действует независимо и по собственному почину, и причислял деятельность его организации к действиям правительства США. Такие организации, как Национальный демократический институт, Международный республиканский институт, Национальный фонд поддержки демократии, получали финансирование от американского правительства и активно содействовали организации политических партий и групп гражданского общества на всем постсоветском пространстве. Хотя у каждой НПО были свои цели и повестка, Кремль относился подозрительно к ним всем, а также к факту их иностранного финансирования и вскоре начал вводить меры ограничения их деятельности на территории России. Кроме того, в Кремле полагали, что правительство США координирует свою политику с представителями некоторых из этих НПО, и из-за этого глубокого непонимания принципов устройства политической системы США американская политика рисовалась Кремлю гораздо более последовательной, чем она была в реальности. Все эти подозрения достигли апогея, когда в Закавказье — в Грузии — повалилась первая «костяшка» в домино «цветных революций».

«РЕВОЛЮЦИЯ РОЗ»

Исторически российско-грузинские отношения всегда были более глубокими и серьезными, чем связи России с другими частями сначала царской империи, а потом Советского Союза. В культурном плане русских связывали с Грузией особые узы. Титаны русской литературы — Лермонтов,

Пушкин, Толстой — провели немало времени в Грузии, а грузины, со своей стороны, преклонялись перед русской культурой. Российско-грузинские отношения восходят к первой половине XVIII века, когда Россия завоевала Грузинское царство, ставшее самым южным православным форпостом империи, и соперничала за влияние в этом регионе с Турцией и Персией. После недолгого периода независимости, с 1918 по 1921 год, Грузия снова вошла в состав одного с русскими государства, которое вскоре преобразовалось в Советский Союз. Этой многонациональной империей, насчитывавшей более ста различных этнических групп, управлял бывший комиссар по делам национальностей, недоучившийся семинарист Иосиф Сталин. Он превратил страну в пеструю мозаику союзных и автономных республик, выделенных по национальному принципу, а также национальных автономных округов, чтобы стравливать этнические группы друг с другом — это гарантировало, что ни одна нация не приобретет достаточной мощи, чтобы сопротивляться диктату Москвы.

В 1936 году, когда Москва установила новые территориальные границы для трех республик Закавказья, три района в составе Грузии, этнически к Грузии не относившиеся, — Абхазия, Аджария и Южная Осетия — получили статус автономий. Как и многие другие территориальные образования в составе СССР, эти автономии сохранялись, пусть и силой принуждения, но как только Советский Союз канул в Лету, исчезли и узы, связывающие эти образования. Между прочим, многие видные — и печально известные — советские руководители по национальности были грузинами, начиная со Сталина, правившего Советским Союзом целых четверть века. Его соратник и земляк Лаврентий Берия в самые мрачные годы СССР руководил НКВД, советской тайной полицией. Позже другой грузин, Эдуард Шеварднадзе, который, прежде чем стать министром иностранных дел СССР, занимал аналогичный пост в правительстве Грузинской ССР, совместно с Михаилом Горбачевым председательствовал при демонтаже советской империи. Отношения между Москвой и Тбилиси в советские времена, с одной стороны, были близкими и доверительными, а с другой — не чуждыми противоречий. Среди русских было немало тех, кто питал теплую симпатию к этой прекрасной, экзотической, очень напоминающей Средиземноморье стране, где можно было с удовольствием провести отпуск. Но были и те, кого злило объединявшее всех грузин сильное чувство национальной солидарности. После развала СССР русские особенно

болезненно отреагировали на твердое желание Грузии вырваться из орбиты бывшего СССР. «Нас удручает несанкционированный политический выбор Грузии, решившей ориентировать свою политику на сближение с Западом», — жаловался один из представителей высшей российской власти⁶. Бывший американский посол сформулировал эту же мысль резче: «Отношения России и Грузии напоминают развод по-плохому»⁷. С точки зрения российского руководства президент Грузии Эдуард Шеварднадзе был фигурой очень неоднозначной. Ему приписывали решающую роль в развале СССР. В российском политическом истеблишменте многие считали Шеварднадзе предателем.

Когда Советский Союз развалился на куски, Грузия под властью нового президента Звиада Гамсахурдия погрузилась в хаос. Южная Осетия и Абхазия объявили о выходе из состава Грузии, и между ними и Тбилиси разразился военный конфликт. В ходе конфликта 230 тысяч грузин подверглись этническим чисткам в Абхазии, и по его окончании российский миротворческий контингент остался на территории как Абхазии, так и Южной Осетии. Шеварднадзе вернулся из Москвы в Тбилиси в 1992 году, и в 1995 году страна избрала его своим президентом. Государством он управлял по советским рецептам: правящая партия и исполнительная власть слились в единое целое.

С самого начала отношения с Москвой у Шеварднадзе складывались трудно. Как министр иностранных дел СССР он сыграл решающую роль в событиях, которые привели к краху ГДР; именно из-за этого офицер КГБ Владимир Путин почувствовал себя в Дрездене как в осажденной крепости. С одной стороны, возможностью так долго оставаться у власти Шеварднадзе был обязан России. С другой стороны, во времена, когда в правительстве Ельцина царили хаос и неразбериха, часть российских военных, хотя вряд ли с полного ведома Москвы, помогали абхазским и южноосетинским мятежникам, а кроме того, на самого Шеварднадзе было организовано несколько покушений. У Москвы же все больше обеспокоенности вызывала ситуация в Панкисском ущелье на границе с Грузией: оно все больше превращалось в прибежище для чеченских боевиков, а Тбилиси не мог — или не желал — что-либо предпринимать по этому поводу. Примаков обвинил Грузию, что она использует чеченских боевиков в борьбе с абхазскими и южноосетинскими сепаратистами. Правда, напряженность в этом вопросе разрядилась, когда грузинские силовики начали сотрудничать с российскими спецслужбами по выдворению чеченских боевиков из Панкиси на территорию

России⁸. Но мирная передышка в отношениях с Грузией длилась недолго. Тбилиси активно противился более тесным связям с Россией, и это, как и активизация западных НПО на территории Грузии, определенно указывало, что готовится почва для новой конфронтации.

Грузия изо всех сил боролась за то, чтобы выстроить жизнеспособное государство. Требовалось обустроить беженцев из бывших грузинских территорий. Хотя Абхазия и Южная Осетия считались «замороженными конфликтами», любой из этих неразрешенных территориальных споров мог «разморозиться» и спровоцировать новый взрыв вооруженных столкновений. Между тем правительство Грузии демонстрировало целый ряд симптомов постсоветского синдрома. Поколение молодых грузинских политиков, честолюбивых и целеустремленных, преимущественно с западным образованием, все сильнее отдалялось от правительства Шеварднадзе. Накануне парламентских выборов ноября 2003 года их пути окончательно разошлись. Группы оппозиционной молодежи стали громче заявлять о себе, они выходили на демонстрации и требовали перемен.

Учитывая стратегическое положение Грузии и тесные связи, которые Вашингтон поддерживал с Шеварднадзе еще с 1980-х годов, вполне объяснимо, что в 1990-е годы Грузия была одним из крупнейших в мире получателей американской помощи на цели установления демократии и экономического развития в расчете на душу населения. В совокупности за 11 лет правления Шеварднадзе помощь США Грузии составила почти \$1 млрд⁹. Вашингтон сделал солидные вложения в Грузию, как экономические, так и политические, и администрация Буша все сильнее беспокоило недовольство, назревавшее в стране летом 2003 года по мере приближения парламентских выборов. В июле Буш попросил бывшего госсекретаря Джеймса Бейкера — человека, который с успехом отстоял сторону Буша при подведении итогов на спорных президентских выборах 2000 года, — отправиться в Грузию и попробовать примирить противоборствующие силы. У Бейкера сложились тесные взаимоотношения с Шеварднадзе еще в эпоху президентства Джорджа Буша-старшего, когда он и Шеварднадзе в ранге министров иностранных дел договаривались о мирном окончании холодной войны. Бейкер пустил в ход свою недюжинную переговорную силу и силу убеждения, чтобы повлиять на различные партии; он встречался и с Шеварднадзе, и с представителями оппозиции, предостерегая последних воздержаться от массовых уличных демонстраций¹⁰. Бейкер полагал, что добился согласия

сторон; эти договоренности стали известны как «План Бейкера» и должны были снизить вероятность фальсификации выборов, обеспечить более широкое представительство оппозиционных партий во власти. Но после отъезда Бейкера грузинский парламент, где проправительственные силы составляли большинство, утвердил правила формирования Центральной избирательной комиссии, противоречившие положениям Плана Бейкера, и наводнил ее ставленниками Шеварднадзе.

Парламентские выборы в Грузии состоялись 2 ноября 2003 года. Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ и другие международные НПО направили наблюдателей на избирательные участки и в пункты подсчета голосов. Грузинская организация по защите гражданских прав «Кмара» (в переводе с грузинского — «хватит»), частично финансируемая Институтом «Открытое общество» Джорджа Сороса, а также другими НПО, вела параллельный подсчет голосов избирателей на основе данных экзит-полов. Центральная избирательная комиссия Грузии объявила, что Шеварднадзе получил большинство голосов. БДИПЧ заявил, что эти выборы не соответствуют международно признанным демократическим стандартам. В следующие три недели массовость и накал уличных демонстраций протеста непрерывно нарастали. Во главе протестующих стояло трио молодых политиков-реформаторов: Михаил Саакашвили, Зураб Жвания и Нино Бурджанадзе.

Рослый харизматичный политик Михаил Саакашвили, способный красноречиво и убедительно изъясняться на нескольких языках, окончил два университета, Колумбийский и Джорджа Вашингтона, и как дипломированный юрист практиковал в США, прежде чем вернуться на родину, где он примкнул к партии Шеварднадзе. Он был избран в парламент в 1995 году и занял кресло министра юстиции. Зураб Жвания и Нино Бурджанадзе тоже получили образование на Западе и в 1990-е годы также состояли в партии Шеварднадзе, но быстро потеряли иллюзии, насмотревшись на окружавшие их коррупцию и блат, порвали с партией Шеварднадзе и основали свои партии. Шеварднадзе и его сторонники пытались делать вид, что не замечают нараставших протестов. 22 ноября Шеварднадзе прибыл в парламент, намереваясь открыть новую сессию. Едва он открыл рот, в здание парламента внезапно ворвались Саакашвили и его сподвижники с розами в руках, нарушили ход сессии и принялись кричать, что Шеварднадзе должен уйти. В ответ Шеварднадзе приказал мобилизовать армию на разгон десяти

тысяч протестующих, собравшихся на центральной тбилисской площади Руставели. Но войска отказались поддержать его. Тем временем один из двух центральных телевизионных каналов Грузии, «Рустави-2», перешел на сторону протестующих и предоставил им трибуну для публичного выражения своих взглядов. Встревоженная таким поворотом событий, Россия отрядила в Тбилиси своего министра иностранных дел Игоря Иванова — по происхождению наполовину грузина — урегулировать ситуацию. Иванов был близок как к Шеварднадзе, под началом которого служил в МИДе СССР, так и к лидеру оппозиции Зурабу Жвания¹¹. Иванов убеждал Шеварднадзе пойти на компромисс, который позволил бы ему остаться у власти.

Но Шеварднадзе отказался от переговоров и был принужден подать в отставку¹². После ухода Шеварднадзе были назначены новые президентские выборы, и 4 января 2004 года Михаил Саакашвили был избран президентом Грузии — свои голоса ему отдали 94% избирателей. Таким образом, первая «цветная революция» свершилась при минимальном насилии и транслировала прочим постсоветским государствам четкий посыл: молодое поколение все больше возмущают коррупция, фальсификации на выборах и способы ведения бизнеса с чересчур отчетливым привкусом советского прошлого. Оказалось, что молодые политики способны мобилизовать на протест массы, перетянуть на свою сторону военных и изгнать действующую власть вместе с ее приспешниками.

Грузия стала источником больших раздоров в американо-российских отношениях и оставалась таковым большую часть президентского срока Буша. В глазах Вашингтона Саакашвили, Жвания и Бурджанадзе олицетворяли новое многообещающее поколение грузин, которые стремятся к интеграции с Западом и настроены проамерикански. Более того, Грузии придавалось большое значение в контртеррористических операциях, развернутых после 11 сентября, — как в качестве участника, так и слабого звена — ввиду ее географического положения в стратегически важной и опасной части мира. Из Закавказья США получали доступ в Центральную Азию и в Афганистан, а право на полеты над территорией региона позволяли США перебрасывать силы на главный театр глобальной войны с терроризмом. Грузия была значима и по другой причине: было известно, что порядка 700 чеченских боевиков окопались в Панкисском ущелье и используют его как базу для ведения боевых действий против России¹³. Администрация Буша начала программу обучения грузинских военнослужащих эффективным методам борьбы с чеченскими боевиками. Эта программа, известная под

названием Georgia Train and Equip Program (ГТЕР, или «Научи и оснасти»), стала первым примером подобного сотрудничества в рамках контртеррористической борьбы. Кондолиза Райс характеризует американскую программу по обучению грузинских военнослужащих контртеррористическим операциям как попытку показать России, что Грузия могла бы стать полезным активом в войне с терроризмом.

В то же время Грузия имела стратегическое значение для Вашингтона и в плане обеспечения энергетической безопасности. Грузия — критически важное звено для транзита каспийской нефти и газа на мировой рынок, и по ее территории проходит нефтепровод Баку—Тбилиси—Джейхан (БТД). Этот нефтепровод, задуманный еще при администрации Клинтона и заверченный в годы правления администрации Буша, позволял транспортировать каспийскую нефть в Средиземноморье, минуя территорию России. Это обеспечивало диверсификацию поставок энергоносителей, что было одной из ключевых целей политики США.

Россия имела совсем другие виды на Грузию. Москва искала возможности блокировать ориентацию Грузии на Запад. Вопреки беспокойству Москвы из-за окопавшихся в ущелье Панкиси боевиков Евгений Примаков ясно дал понять, что Москва не желает присутствия в Грузии представителей вооруженных сил США, даже если те обучают грузинских военных тактике противодействия терроризму¹⁴. Министр обороны Сергей Иванов уничижительно отозвался о стараниях Грузии и пригрозил послать в Панкисское ущелье российские войска, чтобы разобраться с террористами¹⁵. Мало того, Россия выступала и против нефтепровода БТД. Ввиду того что цель строительства нефтепровода не оставляла сомнений — обеспечить транспортировку нефти в район Средиземноморья в обход России, — Москва рассматривала его строительство как часть стратегии США по ослаблению российского влияния в соседних странах и в Европе.

Сотрудник администрации Клинтона, ставший ярким сторонником Саакашвили, описывал его как «человека яркого, колоритного, нахального — бесшабашно-лихого удалца на земле, которая произвела на свет непропорционально много легендарных личностей»¹⁶. Сам Саакашвили считал себя наследником Давида Строителя, легендарного грузинского царя, уничтожившего врагов объединения Грузии, чья статуя сегодня украшает центр Тбилиси. Саакашвили стремился интегрировать Грузию с Западом и клялся в верности демократии. На его инаугурации над зданием грузинского парламента был поднят флаг Евросоюза, а «Ода к радости» Бетховена, являющаяся гимном ЕС, была исполнена сразу

вслед за национальным гимном Грузии — что прямо-таки ужаснуло Россию. Когда Колин Пауэлл вместе с новоизбранным президентом направлялись в здание городского муниципалитета, выяснилось, что его украшают развевающиеся грузинский и американский флаги. Само-го Пауэлла во время официальных торжеств до глубины души потряс контраст между двумя группами парадного воинского контингента: одна маршировала церемониальным «гусиным» шагом советской выучки, а другая, которую обучали по своей программе американцы, печатала шаг совершенно как американские солдаты¹⁷. И все же, невзирая на откровенно выпячиваемую проамериканскую позицию Саакашвили, администрация Буша на первых порах отнеслась к нему с подозрением. Посол США Ричард Майлс, многоопытный кадровый дипломат, в послужном списке которого среди прочего числилась и работа в Москве, поддерживал добрые отношения с Шеварднадзе. Вначале Майлс настороженно относился к Саакашвили, считая, что он националист и без всякой нужды ведет себя по отношению к России вызывающе. К тому же Саакашвили постоянно общался с официальными лицами Вашингтона через голову посла, что не могло нравиться Майлсу¹⁸.

После избрания президентом Саакашвили разбивался в лепешку, об-хаживая США, и большинство сотрудников администрации Буша с энтузиазмом приняли его как первейший пример успешной реализации «Программы свободы». В то время как США стали объектом жестокой международной критики за вторжение в Ирак, Грузия поддержала США и в конечном счете направила своих солдат в Ирак и Афганистан воевать бок о бок с силами международной коалиции. Саакашвили и молодые политики из его кабинета министров прибыли в Вашингтон в начале 2004 года и за несколько дней насыщенного рабочего визита произвели хорошее впечатление на тех, с кем виделись, своими рассуждениями о реформах и демократии. Повестка Саакашвили великолепно вписывалась в повестку администрации Буша, и вскоре Саакашвили приобрел сеть горячих сторонников и в исполнительной ветви власти, и на Капитолийском холме¹⁹.

Несмотря на все подозрения России в адрес Саакашвили, первая реакция Путина на «революцию роз» была осторожной. Саакашвили пришел к власти, поклявшись улучшить отношения с Россией. И, вероятно, Путин поначалу надеялся, что ему удастся выработать такие условия сделки с новым грузинским президентом, которые позволят России усилить свое влияние на Тбилиси. Хотя первая встреча Саакашвили и Путина на первый взгляд прошла гладко, вскоре стало понятно, что

Саакашвили не желал оказывать российскому президенту то уважение, которого тот, по его мнению, заслуживал²⁰. И вскоре отношения ухудшились, как только стало очевидно, что главные цели грузинского президента — вернуть в состав Грузии «беглые» автономии и включить Грузию в евроатлантические структуры. Первую из этих целей Саакашвили реализовал вскоре после избрания на президентский пост — в состав Грузии вернулась Аджария. Возвращение было осуществлено быстро и без всякого насилия, при содействии Игоря Иванова. При этом Россия дала понять, что не потерпит подобного же с Абхазией или Южной Осетией. Как заявил Путин на заседании Валдайского клуба в 2004 году, точно так же как Грузия в свое время хотела выйти из состава СССР, Абхазия и Южная Осетия хотят выйти из состава Грузии²¹.

По мере того как Саакашвили все откровеннее заявлял о намерении Грузии примкнуть к Западу, реакция России на «революцию роз» принимала более отчетливые формы. Во множестве расплодились конспирологические теории, и их с радостью подхватили критики администрации Буша на Западе. «Революция роз», согласно этим теориям, не имела ничего общего с демократией и свободой, а служила образцом деятельности американских и европейских НПО по финансированию смены режима, которая должна была повернуть Грузию против России и дать Западу доступ в тылы России. США обвиняли в том, что они потратили миллионы долларов, чтобы привести к власти Саакашвили. Джорджа Сороса и ЦРУ выставляли как соучастников заговора — хотя представить себе заговор с их совместным участием было едва ли возможно²². Осенью 2004 года Москва окончательно уверилась, что на такие же отношения с Грузией, какие у нее были при Шеварднадзе — при всех их подводных камнях, — при Саакашвили надеяться не приходится, поскольку настроения грузинского президента становились все более антироссийскими. Российский проправительственный веб-сайт задавался сакраментальным вопросом: «Кто следующий?»²³ По мере приближения президентских выборов на Украине ответ становился все очевиднее — на очереди Киев.

«ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Украина стала главным источником разногласий между Вашингтоном и Москвой в период президентства Буша. По способности распалить напряженность между двумя странами и обнажить всю глубину различий

во взглядах на мир двух столиц она уступала разве что Грузии. С точки зрения Кремля ставки на Украине были значительно выше, чем в Грузии: население Украины в десять раз превышало по численности грузинское; 80% экспорта газа Россия поставляла в Европу транзитом через территорию Украины; российский Черноморский флот базировался в Крыму, принадлежавшем Украине, а почти шестую часть населения Украины составляли этнические русские. Украина выдвинулась в разряд ключевых приоритетов российской внешней политики ровно с того момента, когда президенты Ельцин и Кравчук подписали соглашение, разделившее СССР на отдельные государства. Хотя Ельцину понадобилось уничтожить СССР, чтобы отрешиться от власти Горбачева, ни он, ни его коллеги не гадали, какими могут быть долгосрочные последствия развала. Для России потеря Украины стала самым тяжелым ударом. Более того, у многих россиян попросту не укладывалось в голове, что Украина — это другое государство. Весьма запутанные отношения России с Украиной уходят корнями в глубину веков. Русские и украинцы неоднократно сталкивались лбами в попытке определить свою национальную идентичность. Русско-украинские прения касаются и авторства эпоса «Слово о полку Игореве» 1187 года, и трактовки последующих событий вплоть до 1654 года, когда часть Украины объединилась с Россией. С точки зрения Москвы российское государство началось с Киева, а украинцы — не отдельная этническая группа, а «малороссы», потомки тех же древних восточнославянских племен. Украинцы возражали²⁴. После разделов Польши в XVIII веке западная часть Украины вошла в состав Австро-Венгерской империи, и население там говорило по-украински. Восточную часть прибрала к рукам Российская империя, и здесь население стало русскоговорящим. В 1918 году западная часть Украины превратилась в восточную окраину недавно получившего независимость польского государства. Однако в 1939 году, с началом войны, эта территория была оккупирована СССР во исполнение положений договора о ненападении между Германией и СССР.

В нынешнем виде границы Украины были установлены в 1945 году, когда по итогам Тегеранской и Ялтинской конференций Польша сдвинулась к западу, а СССР получил территории, составлявшие восточные окраины Польши, и включил их в состав Украинской ССР²⁵. До 1991 года Украина лишь дважды в истории была независимой, и то недолго: в 1648–1654 и 1917–1921 годах. В советскую эпоху наблюдалось засилье украинцев в офицерском корпусе Вооруженных сил СССР; они и в целом отлично вписались в ряды советской элиты. Учитывая культурные и исторические различия между Восточной Украиной, долгое время

подвергавшейся русификации, и Западной Украиной, присоединенной к СССР только в 1945 году, Украина пришла к независимости, так и не разрешив проблемы собственной идентичности, языка и отношений с Россией.

Начиная со времен президентства Клинтона, Вашингтон не упускал возможности усилить независимость Украины. Под влиянием активно действующей украинской диаспоры правительство США начало вливать в Украину значительные средства: страна стала тогда третьим по величине получателем американской помощи после Израиля и Египта. Тем не менее власти США все явственнее отдавали себе отчет, что у Украины развивается острая форма постсоветского синдрома: формируются группировки коррумпированных олигархов с криминальным прошлым и связями в политической элите, последняя же действует в рамках непрозрачной и не слишком демократической политической системы. При президенте Леониде Кучме ситуация усугубилась. В 2000 году было обнаружено обезглавленное тело журналиста и разоблачителя коррупции Георгия Гонгадзе, а позже появились свидетельства, что убийство было заказано кем-то из близкого окружения украинского президента. Молодежь все более критически относилась к власти и все нетерпимее — к отсутствию политической конкуренции. А поскольку президентский срок Кучмы подходил к концу, народные выступления под лозунгом «Украина без Кучмы» усиливались и конкуренция за место его преемника обострялась. Намеченного им преемника — хотя Кучма и сам от него был не восторге — звали Виктор Янукович. Этому бывшему премьер-министру Украины благоволила Москва, по молодости он был приговорен к тюремному заключению за грабеж, а теперь пользовался поддержкой донецкого олигархического клана, чьей базой поддержки служила русскоговорящая Восточная Украина. Против Януковича оппозиция выставила две кандидатуры — успешную бизнес-леди Юлию Тимошенко (известную в некоторых кругах как «газовая принцесса») и бывшего управляющего Центральным банком Украины Виктора Ющенко. Последний пользовался популярностью в Вашингтоне, а его американская супруга в годы президентства Рейгана работала в Белом доме. Базой поддержки этих двух кандидатов были западная и центральная части Украины, более тяготевшие к Западу и относившиеся к России хуже, чем сторонники противоположного лагеря²⁶.

Москва, не желая, чтобы события снова застали ее врасплох, как в Грузии, составила упреждающую стратегию по отношению к украинским выборам. После того как Кучма в июле 2004 года выбрал себе

в преемники Януковича, Кремль повел политику по двум направлениям: командировал на Украину своих лучших специалистов по пиару поддерживать предвыборную кампанию Януковича и предложил серию политических и экономических уступок, призванных убедить народ Украины в важности и нужности сотрудничества с Россией. Российские политтехнологи Глеб Павловский, Сергей Марков и Вячеслав Никонов развернули наступательную стратегию, которая принесла хорошие плоды в России: позволила сфокусировать внимание СМИ на узком круге заранее определенных тем и изобразить оппозицию как антипатриотическую силу, которая состоит на жалованье у Запада*. Марков признавал, что работал на Кремль и конкретно на главу администрации президента Дмитрия Медведева²⁷. Чего в Москве недопоняли, так это того, что российские электоральные стратегии, годные для «управляемой демократии», вовсе не обязательно сработают на другой политической почве.

В мае 2004 года в Москву прибыла для встречи с Путиным Кондолиза Райс. На подмосковной президентской даче ее представили Виктору Януковичу. Путин всячески превозносил Януковича, чтобы у Вашингтона не осталось сомнений, что именно этот человек — угодный Москве кандидат в президенты Украины²⁸. В период предвыборной гонки Путин семь раз приезжал на Украину и оказывал поддержку Януковичу. Кремль пустил в ход все возможные и доступные средства и не упускал ни единой мелочи, чтобы гарантировать украинским выборам нужный ему исход — примерно так же, как при перевыборах самого Путина в марте 2004 года. Впрочем, Кремль решил также подстраховаться и наладил связь с лагерем оппозиционного кандидата Ющенко. Представители Кремля провели серию тайных встреч с советником Ющенко Олегом Рыбачуком в надежде развеять, каких шагов можно ожидать от Ющенко в случае его избрания²⁹.

Вашингтон тоже не остался в стороне от предвыборной гонки на Украине и усиленно призывал Киев обеспечить чистые и честные выборы, а также оказывал поддержку тем силам, которые ратовали за максимальную прозрачность. Европейские и американские НПО в сотрудничестве с грузинскими, сербскими и прочими общественными организациями

---

* Глеб Павловский — в прошлом советский диссидент, приближенный к Кремлю при Путине; его профессия на российском жаргоне именовалась «политтехнолог». Никонов, честолобивый внук министра иностранных дел советской поры Вячеслава Молотова, возглавлял собственный экспертный центр в Москве. Марков в прошлом придерживался либеральных взглядов и работал в Московском центре Карнеги, а позже стал горячим сторонником Путина. *Прим. авт.*

обучали украинских гражданских активистов, как годом раньше грузин, таким тактикам, как мониторинг выборного процесса и параллельный подсчет голосов. Хотя США открыто не благоволили ни одному из трех кандидатов, Ющенко был довольно популярен в Вашингтоне еще с тех времен, когда руководил Центробанком Украины. Однако Вашингтон делал упор не на персоналии, а на процедуры. Видные политические деятели США — среди которых были Джордж Буш-старший, Мадлен Олбрайт, Збигнев Бжезинский и Ричард Холбрук — один за другим приезжали в Киев с одним и тем же посланием-призывом: украинские власти обязаны сделать все возможное, чтобы выборы были свободными, честными и прозрачными. Выборы на Украине служили проверкой возможности политической трансформации на постсоветском пространстве. Фонд Сороса на Украине передал украинским НПО \$1,3 млн, а Агентство международного развития США (USAID) вложило в деятельность, связанную с выборами, \$1,4 млн (в том числе в обучение Центральной избирательной комиссии, как это было сделано в Грузии)³⁰. Вместе с тем американские пиар-фирмы работали и на кампанию Януковича.

По мере приближения выборов рубежи боевых действий обозначались все четче. Пятого сентября Ющенко присутствовал на обеде с представителями силовых структур. После трапезы его внезапно поразила таинственная болезнь. Пока российские СМИ приписывали причину болезни Ющенко «недоброкачественным суши», его австрийские врачи — при содействии американских, которым на анализ передали образцы крови, — установили, что причиной болезни стал диоксин, смертельный яд, который мог убить Ющенко. Более того, экспертиза установила также происхождение этого яда: в чистом виде этот яд изготавливался лишь в считанных советских лабораториях, доступ куда был строго ограничен. Возник серьезный вопрос о том, по чьему приказу было произведено это покушение³¹. В преддверии выборов изуродованное лицо Ющенко сделалось символом, который продемонстрировал, насколько крупные ставки были на кону и насколько агрессивные тактики задействованы в предвыборной гонке.

Первый тур президентских выборов на Украине не выявил победителя. Второй тур был назначен на 21 ноября. В промежутке между двумя турами Путин лично агитировал за Януковича, а сторонники Ющенко проводили уличные демонстрации. 22 ноября Путин поздравил Януковича с победой во втором туре выборов, хотя официально итоги еще не были объявлены. Их обнародовали 24 ноября, и в Центризбиркоме

подтвердили, что Янукович действительно победил. А поскольку данные экзит-полов и проведенный силами НПО параллельный подсчет голосов ясно указывали, что победил вовсе не Янукович, а Ющенко, это подвигло оппозицию к решительным действиям. Сразу после 24 ноября тысячи людей устремились на заснеженную центральную площадь Киева — площадь Независимости, или майдан Незалежности, — и вскоре их численность достигла миллиона человек. При минусовых температурах протестующие раскинули палаточный лагерь, требуя перевыборов. Телеканал TV 5, принадлежащий одному из союзников Ющенко, транслировал в эфир требования протестующих. А они между тем взяли в осаду главные правительственные здания и на несколько недель фактически заблокировали работу правительства.

Все указывало на то, что складывается патовая ситуация. Однако в ключевой момент Вашингтон начал действовать. Государственный секретарь Колин Пауэлл заявил, что Соединенные Штаты не могут оставаться в стороне и что «мы не можем признать легитимными итоги выборов на Украине»³². Европа же по поводу выборов на Украине с самого начала раскололась на два лагеря. «Новая» Европа под предводительством польского президента Александра Квасьневского и президента Литвы Валдаса Адамкуса с большим сомнением отнеслась к итогам голосования. «Старая» же Европа опасалась ставить под сомнение исход выборов, который так явно приветствовала Россия. Однако протест нарастал, и к переговорам с противоборствующими украинскими партиями наряду с Квасьневским и Адамкусом подключился, хотя и неохотно, скептически настроенный верховный представитель ЕС по внешней политике и безопасности Хавьер Солана, а также спикер Государственной думы РФ Борис Грызлов³³. В период напряженного противостояния в Вашингтоне не раз возникали опасения, что на Украину могут вторгнуться российские военные, чтобы оказать поддержку Януковичу. И хотя кое-кто в Москве приветствовал бы такой исход дела, Россия все же воздержалась от вооруженной интервенции, а Янукович осознал, что украинские военные в большинстве своем больше симпатизируют Майдану, чем ему. Пауэлл, со своей стороны, предостерег Кучму не отправлять внутренние войска на разгон толпы на Майдане³⁴.

Посредничество европейцев привело к неожиданному результату: Верховный суд Украины объявил выборы недействительными. Переголосование в рамках второго тура было назначено на 26 декабря. На сей раз победителем объявили Ющенко, за него подали голоса 51,99%

проголосовавших, тогда как за Януковича — 44,2%. 23 января 2005 года Виктор Ющенко принес присягу как президент Украины. Предвыборная стратегия России провалилась, а победу одержал прозападный кандидат. Благодаря осторожному и добросовестному посредничеству Запада на Украине состоялся свободный и честный второй тур выборов. В январе 2005 года все указывало на то, что Украина преодолела постсоветский синдром и взяла курс на расширение прозрачности, свободы и демократии — это был еще один триумф «Программы свободы».

Притом что правительство США и частные организации вложили немало средств в Украину, добиваясь большей прозрачности выборного процесса, сама «оранжевая революция» застала американское правительство врасплох. Мало кто из экспертов был готов поверить, что группа решительно настроенных оппозиционеров сумеет скочырнуть крепко окопавшиеся украинские элиты. Главная суть послания правящих кругов США — после того, как Колин Пауэлл и его советники приняли критически важное решение не признавать итоги выборов, — состояла в том, что необходим диалог и компромисс между партиями. В фокусе внимания было не то, кто победит на выборах, а то, как этот победитель будет избран. И все же в Вашингтоне восприняли с толикой удивления и с удовлетворением факт инаугурации Ющенко — казалось, действительно наметились перемены к лучшему. В апреле 2005 года Ющенко прибыл с визитом в Вашингтон. Когда он держал речь перед Конгрессом, ему аплодировали стоя.

Стоит ли говорить, что и для Москвы «оранжевая революция» стала полной неожиданностью. Для Путина, который вложил значительные средства в поддержку Януковича, это был персональный удар. «Оранжевая революция» послала тревожный сигнал, что если смена режима могла постигнуть крупнейшего соседа России, то, неровен час, она постигнет и саму Россию³⁵. В России утвердилось мнение, что Запад — и прежде всего США — спровоцировали революцию, чтобы гарантированно привести к власти своего кандидата³⁶. Сергей Марков, например, в мае 2005 года сообщил международной аудитории, что «ЦРУ платило каждому демонстранту на Майдане за протест по \$10 в день»³⁷. Разумеется, куда проще было уверовать в сплетенный Вашингтоном заговор, чем признать, что Россия встала на сторону неудачника. Тем не менее другой российский политический обозреватель, хорошо информированный благодаря своим связям, Станислав Белковский выдвинул куда более изощренную версию. Допуская, что Вашингтон проявил

осторожность и не поддержал ни одну из сторон, Белковский утверждал, что Соединенные Штаты вмешались, только когда стало понятно, что Янукович по итогам выборов нелегитимен: «В этом смысле тактика Америки оказалась более искусной и подходящей, чем российская, которая до последнего момента исходила из абсолютно беспочвенных иллюзий, что победит Виктор Янукович»³⁸.

Самый важный урок, который вынес для себя Кремль из «оранжевой революции» на Украине, состоял в том, что необходимо приложить все усилия, чтобы исключить самую возможность подобного сценария в России. Потому администрация Путина и сосредоточилась на создании прокремлевских молодежных групп и начала вводить меры по ограничению деятельности западных НПО. В то же время Россия получила и хороший внешнеполитический урок. Российские власти подозревали, что Америка старается вырвать Украину из некрепких объятий России. С точки зрения Москвы, «оранжевая революция» четко показала, что чем дальше, тем больше России придется конкурировать с США за влияние в ее собственном ближайшем окружении. И, несомненно, для обеих стран это была игра с нулевой суммой. И сколько бы Вашингтон ни отрицал этот настрой официально, чиновники администрации Буша — и особенно в аппарате вице-президента — все больше утверждались во мнении, что Украина и остальное постсоветское пространство становится испытательным полигоном «Программы свободы» и зоной конкуренции с Россией.

ДАЛЕЕ — ТЮЛЬПАНЫ

Спустя месяц после инаугурации Ющенко определился следующий — хотя и более неожиданный — кандидат на «цветную революцию»: Кыргызстан. Правда, на сей раз Соединенные Штаты и Россия не находились по разные стороны политического спектра, и потому «тюльпановая революция» не вызвала крупных разногласий между ними.

После развала СССР Средняя Азия развивалась неравномерно. Этот регион, расположенный в сложной, но стратегически важной местности, располагающий существенными природными ресурсами, служил предметом серьезного интереса как для Москвы, так и для Вашингтона. Хотя все пять государств региона были авторитарными режимами с клановыми группировками во главе, Кыргызстан представлялся наиболее плюралистичным из них: управление многонациональным государством со значительной долей узбекского населения предполагало необходи-

мость договариваться с конфликтующими кланами севера и юга, а также Ферганской долины, где ситуация была весьма нестабильной³⁹. С момента обретения независимости Кыргызстаном руководил Аскар Акаев, физик по образованию; со временем страна все больше погружалась в авторитаризм и коррупцию, сыновья и дочь Акаева получили под свой контроль самые лакомые активы государства⁴⁰. Продемонстрированное Акаевым неумение справиться с народными протестами 2002 года* и слухи, что на выборах 2005 года он намерен завести себе «карманный парламент» и внести изменения в конституцию, позволяющие ему снова избраться на пост президента, вызвали большие сомнения в том, что он добровольно уйдет из власти по окончании своего президентского срока. Страхи эти усилились, когда ведущие оппозиционные политики, например бывший посол Киргизии в США Роза Отунбаева, были отстранены от руководства. Пост Отунбаевой достался дочери Акаева — Бермет.

За двумя турами парламентских выборов в феврале и марте 2005 года — по общему мнению, сфальсифицированных — массовые протесты охватили столицу страны Бишкек, расположенный на юге город Джалал-Абад и город Ош в Ферганской долине. Протестующие захватили правительственные здания, полиция применяла против них силу, а в Бишкеке началось массовое мародерство. Протесты охватили всю страну. В отличие от Грузии и Украины в Кыргызстане не было очевидного лидера, а оппозиция была расколота по этническим мотивам. Более того, в столице бушевали насилие и хаос. Кончилось тем, что Акаев вместе со своим семейством через Казахстан улетел в Россию. В стране прошли новые президентские выборы, убедительную победу на которых одержал бывший премьер-министр Курманбек Бакиев. Он занимал президентский пост до 2010 года, когда его свергли в ходе очередной мини-революции. Как и на Украине и в Грузии, одна из группировок расколота киргизской элиты одержала верх над другой⁴¹.

Интерес администрации Буша к Кыргызстану был обусловлен главным образом значимостью этой страны как места расположения военной базы для военных действий в Афганистане. Американская военно-воздушная база в аэропорту Манас близ Бишкека была открыта в 2001 году и служила жизненно важным звеном транспортной системы во время войны в Афганистане. Отношение общественности

---

* В марте 2002 года в Аксыйском районе Киргизии произошли столкновения между населением и силовиками, за которыми последовали крупные митинги оппозиции в Бишкеке и других городах. В итоге Акаев отправил в отставку правительство во главе с премьером Курманбеком Бакиевым.

к американской базе было в целом положительное, поскольку она обеспечивала возможность трудоустройства. За пользование сооружениями и инфраструктурой базы США платили Кыргызстану по \$50 млн в год. Кондолиза Райс охарактеризовала базу в Манасе как «передний край в войне с терроризмом», и администрация Буша поначалу тревожилась, как бы «тюльпановая революция» не поставила под удар присутствие США в Киргизии. Впрочем, вскоре стало понятно, что новое руководство проявляет такой же живой интерес к лакомым контрактам на обслуживание базы, как и его предшественники.

В первом приближении события в Кыргызстане вроде бы тоже подтверждали обоснованность «Программы свободы». Правда, в отличие от Украины и Грузии в стране не выявился однозначно прозападный оппозиционный лидер, а надеяться, что Курманбек Бакиев затеет реформы, особо не приходилось. Таким образом, в военном смысле ставки были высоки, однако «тюльпановая революция» не рассматривалась как предмет для соперничества между Россией и Западом, как это было в ходе «революции роз» и «оранжевой революции».

Для Москвы Киргизия представляла гораздо меньшую значимость, чем Грузия и Украина. В 2003 году Россия разместила военную базу в южной части Кыргызстана, в Канте, и рассчитывала, что она останется там навсегда. Ввиду того что президент Бакиев подчеркивал необходимость поддерживать близкие отношения с Россией, свержение режима Акаева, по словам чиновников из Москвы, не рассматривалось как антироссийский шаг. Государственное новостное агентство «РИА Новости» заявляло, что в Бишкеке «рука Запада» не столь очевидна, как в Тбилиси и Киеве, и значит, Райс и Лавров могли бы «найти общий язык» относительно событий в Кыргызстане⁴². Таким образом, «тюльпановая революция» и последовавшие за ней события не стали источником обострения напряженности между Вашингтоном и Москвой. Чего никак не скажешь о событиях, которые развернулись в том же году в Узбекистане.

НЕТ «ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: АНДИЖАН И ПОТЕРЯ КАРШИ-ХАНАБАДА

С первых дней независимости лидер Узбекистана Ислам Каримов неустанно заботился о том, чтобы максимально расширить свою независимость и свободу маневра. Этого он добивался, поддерживая баланс в отношениях с США и Россией и стараясь дистанцироваться от обоих.

Главное, что заботило Каримова после 11 сентября, — как долго военная база США пробудет на территории Узбекистана, не собираются ли американцы покинуть страну раньше срока. Каримов вызвал неудовольствие Москвы, когда примкнул к организации ГУУАМ, объединившей Грузию, Украину, Узбекистан, Азербайджан и Молдову. Это была единственная организация на постсоветском пространстве, в которой не участвовала Россия. С другой стороны, самого Каримова раздражали вечные нападки США по поводу положения дел с правами человека. Терзаемый подозрениями, что исламистские традиционалисты только и мечтают, как бы свергнуть его власть и по своим рецептам сменить режим в стране, Каримов причислял всех своих критиков к разряду опасных противников.

Заинтересованность администрации Буша в Узбекистане снова выдвинула на первый план старую проблему увязки противоречивых приоритетов внутренней и внешней политики после 11 сентября и разногласий в самом правительстве по поводу того, как относиться к Ташкенту. Как писал Рамсфельд, «по его собственному признанию, президент Ислам Каримов не является демократом в американском духе — таких в регионе мало, а то и вовсе нет, — но он не проявил ни малейшей враждебности к интересам США»⁴³. Рамсфельд в октябре 2001 года лично вел переговоры с узбекской стороной о размещении военной базы США в Карши-Ханабаде, и Министерство обороны США расценивало эту базу как важную составляющую глобальной войны с терроризмом. Более того, Узбекистан участвовал в инициированной администрацией Буша программе «чрезвычайной выдачи», по которой подозреваемых в терроризме помещали в тайные тюрьмы⁴⁴. У Узбекистана плохо обстояли дела с правами человека, из-за чего Госдепартамент неодобрительно смотрел на отношения с ним. Согласно принятому в 1992 году «Закону о поддержке свободы», оказание помощи постсоветским государствам обуславливалось их соответствием определенным стандартам прав человека. Узбекистан получал финансирование по этой программе, и госсекретарю приходилось каждый год удостоверять, что Узбекистан добился очередного прогресса в деле соблюдения прав человека. В 2002 году Государственный департамент направил Пауэллу сводную справку с оценкой достижений Узбекистана в этой области. Бюро по делам Европы признало, что прогресс есть, а Бюро по вопросам демократии, прав человека и труду выдвинуло возражения. Пауэлл предпочел признать прогресс Узбекистана, но Каримов все равно жаловался на неуважение⁴⁵.

Серьезные проблемы Узбекистану доставляли исламские экстремисты, в том числе Исламское движение Узбекистана (ИДУ). В 2000 году под нажимом узбекских властей администрация Клинтона включила ИДУ в перечень международных террористических организаций. Однако у США возникли сомнения по поводу других группировок подобного рода: действительно ли это террористические исламистские организации, или Каримов просто хочет причислить их к террористам из-за того, что они являются противниками его режима. Особенно острые разногласия возникли относительно статуса «Хизб ут-Тахрир». Эта организация со штаб-квартирой в Лондоне выступала за мирное создание халифата (исламского государства) во всем исламском мире, однако правительство Узбекистана и ряд западных экспертов считали ее террористической⁴⁶. России внушал беспокойство исламский экстремизм в Узбекистане и угроза его распространения на Северный Кавказ, поэтому она поддерживала репрессивную политику Каримова. Кроме того, Москву все сильнее тревожило присутствие США в Узбекистане и старания американцев насаждать там демократию, которые, как полагали в Москве, могли спровоцировать дальнейший рост фундаментализма. К началу 2005 года узбекско-американские отношения омрачали трения по поводу условий пользования авиабазой, по плате за ее размещение, а также непрекращающаяся критика в связи с правами человека. Россия же после «тюльпановой революции» искала возможности укрепить свое влияние в регионе.

Узбекско-американские отношения пошли под откос из-за андижанского кризиса, который в итоге привел к закрытию американской авиабазы К-2 в Карши-Ханабаде. В июне 2004 года узбекская полиция взяла под стражу 23 частных предпринимателей из Андижана, города на востоке Узбекистана, по обвинению в «экстремизме, фундаментализме и сепаратизме». Все задержанные принадлежали к исламистской организации под названием «Акрамия» — она занималась благотворительностью и поддерживала возможности трудоустройства в регионе. Сами арестованные отрицали все обвинения. В 2005 году начался суд над ними, и ожидалось, что вердикт будет оглашен 12 мая. Накануне оглашения вердикта снаружи здания суда собралась толпа. В ночь с 12 на 13 мая в здание тюрьмы, где содержались обвиняемые, ворвалась группа вооруженных людей, освободила арестантов и направилась к зданию областной администрации; оно было захвачено, а представители власти взяты в заложники. Затем мятежники попытались захватить штаб-квартиру

местных органов безопасности. На улицы вышли толпы митингующих. Они захватили и удерживали центральную площадь Андижана. Каримов лично прилетел в Андижан, чтобы оценить обстановку. Спустя сутки мятеж был жестоко подавлен, многие протестующие были убиты правительственными войсками. Данные о количестве жертв сильно расходятся: по официальной оценке властей Узбекистана, погибли триста человек, но реальное число жертв могло достичь полутора тысяч — такие данные привел сотрудник узбекских спецслужб, бежавший на Запад.

Спустя годы после мятежа в Андижане все еще сохраняются разногласия по его фактическим обстоятельствам, и однозначной трактовки этих событий нет. Спорят и о том, кто были эти 23 предпринимателя и их сторонники, и о том, насколько адекватной была реакция правительства. В своих мемуарах Дональд Рамсфельд утверждает, что предприниматели принадлежали к исламской экстремистской группировке. Видеоматериалы, снятые «Акрамией», позволяют сделать вывод, что протестующие были вооружены. Однако с этим не соглашаются организация Human Rights Watch и другие НПО: по их версии, предприниматели были не фундаменталистами, а мирными исламистами, и правительственные силы без разбора применяли чрезмерную силу против гражданского населения.

Через две недели после кризиса в Андижане сенаторы Джон Маккейн и Линдси Грэм прибыли в Ташкент, осудили режим Каримова за убийство граждан своей страны и призвали правительство США задержать следующий транш платежей Узбекистану за пользование авиабазой. Правительство Узбекистана не дало согласия на прибытие международной комиссии по расследованию массового убийства мирных граждан, как предлагали Соединенные Штаты и Евросоюз. Россия и члены Шанхайской организации сотрудничества — куда входят помимо России и Китая государства Центральной Азии — в данном вопросе поддержали Каримова. Евросоюз наложил эмбарго на поставки вооружений Узбекистану, далее последовала эскалация взаимных обвинений между Ташкентом и властями стран Запада. В июле 2005 года правительство Узбекистана информировало Вашингтон о нежелательности использования Соединенными Штатами авиабазы К-2. В ноябре того же года Россия и Узбекистан подписали Договор о дружбе. Как в Вашингтоне, так и в Москве события в Андижане и их последствия рассматривались как потеря для интересов США в Центральной Азии и как чистая выгода для Кремля.

События в Андижане обнажили разногласия в администрации Буша относительно того, насколько далеко следует заходить в реализации «Программы свободы» и какими должны быть приоритеты США в Центральной Азии⁴⁷. Правильно ли ставить интересы общей безопасности выше забот о внутреннем положении в другой стране? Насколько важны обязательства в области прав человека и следует ли ставить их выше борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности, включая поддержку американских войск во время ведения боевых действий? В какой мере интересы России должны влиять на политику Соединенных Штатов? Рамсфельд выразил преобладающее в Министерстве обороны мнение по этим вопросам без всяких оговорок: «Права человека стали глобальным бизнесом заметных масштабов». Он признал, что правительство Узбекистана едва ли поступило в своих интересах, отказываясь предоставить сведения о том, что в действительности произошло в Андижане, и поддержал мысль о том, что с Ташкентом нужно вести тихую дипломатию, не устраивать публичных порок. Рамсфельд подчеркивал, что из-за войны, которую США вели в Афганистане, чрезвычайно важно сохранить хорошие отношения с Каримовым, и спорил с Кондолизой Райс и ее заместителем Николасом Бёрнсом. Те заявили Рамсфельду: «Мы сделали четкий выбор, чтобы встать на сторону прав человека». Государственный департамент публично подвергал разносу узбекские власти за их действия. Рамсфельд позвонил Райс и попросил «сдать назад» с критикой Каримова. Она возразила, что «президент определенно хотел сохранить военную базу, но не просил меня смягчить тон, вот я и не стала»⁴⁸. После того как США покинули базу К-2, Рамсфельд написал советнику по национальной безопасности Стивену Хэдли: «Русские выдворяют нас из Центральной Азии. Они гораздо успешнее запугивают эти страны, чем США противостоят этому запугиванию»⁴⁹.

Для России значение Узбекистана было иного порядка, чем значение Грузии, Украины или даже Киргизии, и потому реакция Кремля на события в Андижане и на изгнание США с базы Карши-Ханабад была относительно спокойной. Заинтересованность России в отношениях с Ташкентом имела свои границы, поскольку Каримов стремился уменьшить зависимость Узбекистана от любой отдельно взятой державы. И потому события в Андижане стали для России неожиданным подарком судьбы. За исключением независимой правозащитной организации «Мемориал», все российские СМИ поддерживали теорию, что мятежники, развязавшие беспорядки в Андижане, были исламскими экстремистами.

И только маргинальные СМИ напрямую связывали Джорджа Сороса, ЦРУ и организацию «Акрамия». Российское правительство официально одобрило действия Каримова против протестующих.

В июне Путин встретился с Каримовым и прозондировал идею Договора о дружбе. Далее Узбекистан вышел из состава ГУУАМ и вновь присоединился к пророссийской Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), хотя и опять приостановил свое членство в ней в 2012 году. Таким образом, Россия сумела использовать кризис в Анджане и его последствия, чтобы поставить заслон «Программе свободы», а заодно послала остальным правителям на постсоветском пространстве четкий сигнал: мы, в отличие от США, не станем вмешиваться в ваши внутренние дела; мы поможем вам поддерживать порядок в ваших странах, и наша помощь не будет обусловлена тем, как вы ведете себя внутри страны. Подвергая критике тех западных политиков, кто прикрывается «демагогической риторикой о свободе слова», Путин заявил на официальном обеде в сентябре 2005 года: «Мы не против изменений в бывшем СССР. Но мы боимся только, что эти изменения будут хаотичными. И возникнут банановые республики, где побеждает тот, кто громче кричит»⁵⁰.

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» В ПЕРСПЕКТИВЕ

Непосредственно после «цветных революций» администрация Буша полагала, что события в Грузии, на Украине и в Кыргызстане отвечают интересам США на постсоветском пространстве. Как написал об этом Рамсфельд, «так называемые “цветные революции” привели к власти на Украине, в Грузии и Кыргызстане настроенных на реформы лидеров прозападной ориентации. Эти демократические перемены демонстрируют практическую и моральную ценность усилий президента Буша по распространению свободы»⁵¹. В мае 2005 года Буш побывал с визитом в Москве на праздновании 60-й годовщины окончания Второй мировой войны. Учитывая нараставшие трения в отношениях между США и Россией, его ждал прохладный прием. Затем Буш направился в Грузию, где тысячи горячих поклонников восторженно приветствовали его на улицах Тбилиси. В честь Буша решили назвать одну из центральных улиц грузинской столицы. Это доказывало, что его «Программа свободы» оправданна и приносит плоды. Вскоре после визита в Грузию Буш так описывал владевшие им чувства: «Это была фантастическая честь — стоять

бок о бок с истинным почитателем свободы, Саакашвили. Невероятное, потрясающее переживание: стоять на площади Свободы в ознаменование мирной революции, свершившейся восемнадцать месяцев назад»⁵².

Но по прошествии нескольких лет стало ясно, что «цветные революции» не совсем то, чем они казались вначале. «“Цветные революции”, — писал один американский эксперт, — не стали событиями, ведущими к смене парадигмы, как это представлялось на первых порах. Вместо этого они обернулись очередной главой в посткоммунистической эволюции Грузии, Украины и Кыргызстана, и их совокупный эффект в целом оказался существенно меньше, чем думалось вначале и, безусловно, мечталось»⁵³. Впрочем, летом 2005 года США все еще испытывали сильное воодушевление — не менее сильное, чем подозрения, которые питала Москва относительно намерений американцев на постсоветском пространстве. Американо-российские отношения ухудшились по сравнению с пиком взаимности, которого они достигли летом 2002 года. Соединенные Штаты по-прежнему удручало, что Россия не перестает помогать Ирану в реализации ядерной программы, а также поддерживает антидемократические силы на постсоветском пространстве. Впрочем, Россия была всего лишь одной из целого ряда внешнеполитических забот США; администрация Буша уделяла не в пример больше внимания Ираку, Ирану и Афганистану. Зато в приоритетах Путина Соединенным Штатам отводилось достаточно высокое место, и это несоответствие служило источником постоянного раздражения в Москве. Только Вашингтон был способен придать правлению Путина легитимность, престиж и статус. Но по той же самой логике Вашингтон обладал способностью задавить политические и экономические амбиции России и подорвать ее влияние в ее же ближайшем окружении.

С точки зрения российской стороны, целый ряд факторов — отказ США признать постсоветское пространство сферой исконного влияния России, продолжающееся военное присутствие США в Манасе, отказ принимать в расчет российские интересы в Ираке или Иране, а также постоянные провалы попыток Москвы вступить в ВТО или добиться отмены поправки Джексона—Вэника — еще больше усугублял горькое разочарование России из-за неоправдавшихся надежд, которые она возлагала на отношения с США. В сентябре 2004 года Путин чуть ли не агитировал за избрание своего «друга Джорджа» на второй президентский срок. Но пару лет спустя два лидера едва снисходили до разговора друг с другом.